

Том Джексон

Интервью с Р. А. Лафферти

Р.А.Лафферти, работавший в жанре научной фантастики и фэнтези, умер в 2002 году, но до сих пор остается культовой фигурой для многочисленных почитателей его таланта. Среди таковых – известный английский писатель Нил Гейман, который однажды назвал Лафферти «лучшим для своего времени автором коротких рассказов». Вряд ли стоит с ним спорить.

– Какие из ваших рассказов и романов нравятся вам особенно? И есть ли те, которые, на ваш взгляд, были недооценены?

– Из рассказов мне особенно нравятся «Лунные призраки 1870-х», «Нельзя вернуться назад», «Продолжение на следующем камне», «Все фрагменты речного берега», «Узкая долина», «Конфигурация Северного Берега», «Золотые ворота», «Старая забытая ножка», «Главное открытие Рейнбёрда», «Достаточность веры», «Птицевод», «Одноглазый пересмешник», «Великий Том-простак», «Хрипун»¹. Из романов – «Okla Hannali», «The Fall of Rome», «Half a Sky», «Archipelago» (все четыре – не фантастика), «Властелин прошлого», «Рифы Земли», «Космические саги», «Четвертая обитель», «Крестинвин», «The Three Armageddons of Enniscorthy Sweeney». Самый недооцененный роман – «The Three Armageddons». В книге «Апокалипсис», включающей два романа, он шел вторым. Видимо, прочитав первый роман, многие читатели бросили книгу и больше к ней не возвращались. Самый обделенный вниманием рассказ из моих любимых – «Птицевод». Причина в том, что он был напечатан в одной из брошюр, выпущенных Крисом Драммом², и его прочитало, наверное, человек пятьсот. Рассказы, публиковавшиеся в журналах, имели аудиторию в сто раз больше.

– Правда ли, что на создание некоторых романов вас вдохновили книги по теологии и философии? Например, сочинения таких писателей, как Фома Аквинский и Тереза Авильская?

– Да, темы некоторых моих романов перекликаются с конкретными теологическими сочинениями. Например, роман «Aurelia» 1982 года имеет параллели с «Суммой теологии» Фомы Аквинского. Четырнадцатилетняя Аурелия заканчивает десятый класс. Учебная программа завершается изучением предмета под названием «Управление миром». Для закрепления знаний каждый ученик должен в буквальном смысле переместиться из своего «золотого мира» на какую-нибудь другую планету, стоящую ниже по развитию, взять ее под контроль и некоторое время ею руководить. Если ученик не справится, он, конечно, умрет и заодно провалит предмет. Аурелия попадает – скорее случайно, нежели в результате грамотной навигации – в мир под названием Гея (иногда его путают с Землей). Там она быстро становится культовой фигурой. А по убеждению некоторых – девушкой-мессией. Ведь она произносит яркие содержательные речи и читает поучительные проповеди. Так вот, эти ее наставления почти точно повторяют тезисы великой «Суммы теологии» Фомы Аквинского (3011 страниц в издании на моей полке). Впрочем, то, что гармоничная разумность религии родной планеты Аурелии перекликается с «Суммой теологии», – это чистое совпадение. Аурелия – не мессия, а просто милая девушка. Мне жаль, что логика развития сюжета потребовала, чтобы она потерпела фиаско и погибла.

Еще у меня есть книга «Четвертая обитель» (1969), которую я с трудом втиснул в контекст «Внутреннего замка» Терезы Авильской. В ее трактате описаны так называемые семь кругов

---

¹ Названия произведений, изданных на русском языке, даются в том виде, в каком они представлены в переводах. Для остальных сохраняется оригинальное название, дабы избежать путаницы в будущем.

² Крис Драмм (Chris Drumm) – американский издатель (Chris Drumm Books), выпускавший тонкие книги в мягких обложках.

обитателей, или шагов к совершенству. Четвертый – самый опасный: срединная точка, где дьявол с его приспешниками контратакуют особенно яростно. Эта контратака, а в действительности – сценарий развития сегодняшнего мира, и стала темой моей книги.

– Я заметил, что окончание рассказа «Old Halloweens on the Guna Slopes» в журнальной версии отличается от его переизданий в ваших сборниках. Кто его доработал после первой публикации – вы или редактор? И часто ли редакторы вносили изменения в ваши рассказы?

– Я переработал журнальный вариант «Old Halloweens» перед публикацией в сборнике «Австро и люди, которые знали все», чтобы придать ему масштабности. Редактор не имел к этому никакого отношения. Все изменения – причем минимальные – внес лично я. Единственный редактор, который постоянно правил мои рассказы, – это [Фредерик] Пол, но его правка была не смертельной. Можно сказать, это его конек – вносить правку буквально во все, что он принимает к печати.

– В начале вашей карьеры несколько ваших книг издал Терри Карр. Повлиял ли он как-то на ваш стиль? Насколько велико было его участие в выборе произведений для вашего первого сборника «Девятьсот бабушек»?

– Терри Карр учил меня, что повествование с первых же строк должно увлекать читателя. Как следствие, мой первый роман, который он отредактировал и издал, «Владыка из прошлого», в первом же абзаце повествует:

..Снаружи гремел гром и сияло солнце. Грохот стоял оглушительный – это механические убийцы осадили здание. Алчущие крови, разгневанные, они сотрясали его, грозя обрушить. Требовали жизнь одного из троицы – требовали немедленно, сей же час, сию же минуту.³

Что ж, возможно, не все истории должны начинаться именно так, но Терри Карр использовал этот прием во всех своих вещах. «Ты можешь навсегда потерять читателя, если не удержишь его первые пятнадцать секунд. Даже на пятнадцать секунд нельзя оставлять его без крючка, на который ты собираешься его подцепить». Все, что рассказал мне Терри, заключено в этих двух дельных советах.

Терри сам отобрал рассказы для сборника «Девятьсот бабушек», но спросил, не хочу ли я что-то изменить. Подборка была удачная, и я не стал ничего менять.

– Ваши любимые редакторы? Кто, на ваш взгляд, был самым пронизательным критиком ваших произведений?

– Мои любимые редакторы – Гораций Голд (журнал «Galaxy»), Терри Карр (издательство Ace и его серия сборников «Universe») и Деймон Найт (антологии «Orbit»). Все они мои любимые редакторы по одной причине: они принимали мои рассказы к публикации более охотно, чем остальные. Наверное, это странно, но я лучше помню менее пронизательных моих критиков (тех, кто меня действительно критиковал), чем более пронизательных (тех, кто меня хвалил). Наименее пронизательные – Джеймс Блиш, Кристофер Прист, Томас Монтелеоне и Спайдер Робинсон. Я отомстил Спайдеру шутивным стансом в одной малоизвестной брошюре («True Believers», United Mythologies Press):

Писака слабый, рецензент неловкий,
Скрипит пером, не покладая рук.
Ни мудрости, ни дара, ни сноровки,
Кусает редко до смерти паук⁴.

³ Цитируется по тексту романа в переводе В. Лиценатского под редакцией Н. Абдуллина.

⁴ Паук – по-английски спайдер, так же как и имя Робинсона. Стихотворение в переводе М.А.Литвиновой.

– Как вы восприняли присуждение премии «Хьюго» вашему рассказу «Вначале был костыль»? Как это повлияло на вашу карьеру?

– Премия «Хьюго» за рассказ «Вначале был костыль» повергла меня в замешательство, и я озадачен до сих пор. Да, история симпатичная, но в том году у меня выходило четыре или пять более удачных рассказов. К тому же «Костыль» победил в паре с рассказом Фредерика Пола – каким именно, из соображений приличия не назову, потому что это один из худших рассказов в мире. Но все равно премия меня порадовала. Не уверен, что она сильно повлияла на мою карьеру. По-моему, значимость «Хьюго» сильно преувеличена. Четыре или пять разных писателей делились со мной своим недоумением по поводу присуждения «Хьюго» весьма заурядным вещам, в то время как прекрасные, на их взгляд, произведения игнорировались.

– Судя по вашей библиографии «An R. A. Lafferty checklist» в брошюре Криса Драмма, в 1972 году было опубликовано четыре ваших рассказа: «Вначале был костыль», «Звяк-бряк-калуф», «Дорг» и «Особые условия в Саммит-сити». Какие из них вы считаете более удачными, чем тот, что получил премию?

– Я не очень хорошо помню, какие рассказы вышли в 1972-м – это был, наверное, худший год в моей жизни. Я болел и ничего не писал. Да, тогда печатались некоторые мои вещи, например, очень неплохой роман «Okla Hannali», но все они были написаны раньше. И только один рассказ мог считаться первой публикацией – не из тех, что вы назвали. Я говорю про «Однажды на Аранеа» в сборнике «Странные дела» – прежде он не публиковался. Он и «Особые условия в Саммит-сити» – эти два из вышедших в тот год моих рассказов – точно лучше других. Но я говорил об ином, я имел в виду целый ворох хороших рассказов, увидевших свет в 1970-71 годах. Целая галерея отличных историй, которые не привлекли внимания вообще. Семнадцать рассказов того двухлетнего периода были существенно лучше, чем «Вначале был костыль», и относительно лучше, чем почти все остальное. Вот они: «Прокатись в консервной банке», «О Тайном Крокодиле», «Однажды долго-долго», «Из чистого сплошного хризолита», «Продолжение на следующем камне», «Старая забытая ножка», «Все фрагменты речного берега», «Великая Междугородняя», «Лягушка на горе», «Маленький к.», «Под слоем многовековой кожи», «Бумеровы отмели», «Пузыри, когда они лопаются», «И никаких известняковых островов», «Когда застонут петли мира», «Степной Измаил» и «Небо». «Вначале был костыль», написанный в 1964 году и вошедший во многие сборники и антологии, по стилю просто выпадал из этой группы – не более чем приятная, немного комичная история. В 1972 году я вынужденно отменил поездку в Лос-Анджелес на «Ворлдкон», хотя эти конвенты мне очень нравились – после того, как я дважды на них побывал: в Сент-Луисе в 1969-м и в Бостоне в 1971 году. Но в 1972-м я не мог никуда ездить. В 1973 году я вернулся за пишущую машинку, и через какое-то время из-под моего пера снова стали выходить очень хорошие рассказы: «Пройти сквозь огонь», «Mud Violet», «The World As Will and Wallpaper», «На берегу морском», но такого созвездия превосходных рассказов, как в 1970-71 годах, у меня не получилось. В 1973 году на «Ворлдконе» в Торонто, где вручали награды за произведения, опубликованные в 1972 году, я подумал: как иронично, что я получил «Хьюго» за рассказ «Вначале был костыль».

– Много ли вы читаете научной фантастики? Много ли вы читали ее раньше? Кто из современных писателей-фантастов вам нравится?

– Нет, в последнее время я читаю не так много научной фантастики. Я вообще никогда не читал ее много, за исключением одного четырехмесячного периода – тогда я прочел несколько

сотен книжек, признанных лучшими в жанре. Это было после того, как я принял решение специализироваться на научной фантастике, потому что ее, в отличие от других жанров, легче продать издателям. Это был хороший экспресс-курс, и я рад, что прошел его. Я прочитал немало научной фантастики из золотых веков, или «малых золотых веков». Но сейчас не «малый золотой век», и я не читаю много научной фантастики.

Из современных фантастов мне, пожалуй, больше всего нравится Джин Вулф. Помимо него – Грегори Бенфорд, Дэвид Брин, Грег Бир (три неутомимые пчелки), Джон Ширли (мне не нравятся его воззрения, но он умеет писать), Мадлен Ленгль, Роберт Блох (пишет больше пятидесяти лет и все так же хорошо), Джеймс Хоган (считаю его молодым писателем, хотя ему 48), Майкл Бишоп и Эд Брайант. Ну и, конечно, Рэй Брэдбери, который по-прежнему на вершине, что бы он ни написал. Не знаю, почему в моем списке так много писателей с фамилией на букву «Б».

– На ваш взгляд, нужно ли вам больше внимания со стороны обозревателей массовой литературы?

– Нет, мне не нужно больше внимания с этой стороны. Никогда не писал для массового читателя, и меня всегда удивляло, что эти обозреватели обращают на меня внимание.

– Что вы думаете об оформлении ваших книг? Какие обложки вам нравятся, какие не очень?

– Мне не понравились обложки «Arrive at Easterwine» (Ballantine Books, 1971) и «East of Laughter» (Morrigan Publishing, 1988). Больше всего мне нравится обложка «The Devil Is Dead» (Avon Books, 1971).

– Мне тоже нравится эта обложка, но я не могу выяснить, кто ее нарисовал. Поможете?

– Нет. Я не знаю, кто нарисовал эту обложку. Мне тоже было интересно, но я так и не узнал.

– Образ Бертигрю Багли в романе «Четвертая обитель» вы писали с себя?

– Нет, Бертигрю Багли, патриций Талсы, – не автопортрет. По крайней мере, не сознательный автопортрет. Очень многие задавали мне этот вопрос, так что некоторое сходство с этим потрепанным старым бомжем, должно быть, у меня есть.

– Во многих ваших произведениях описаны сны. Можете ли вы назвать некоторые ваши сочинения сюрреалистическими?

– Я не считаю себя сюрреалистом в том смысле, в каком его определил Андре Бретон в своем «Манифесте сюрреализма» в 1924 году. Как по мне, так этот манифест несколько устарел, поскольку был навеян отвращением к Первой Мировой Войне и был слишком фрейдистским. Мое собственное бессознательное – более юнговское, нежели фрейдистское. Но, если не заикливаться на Бретоне, я, возможно, назвал бы себя сюрреалистом в смысле «воспоминания о том, что внутри», но не в смысле «мир снов и фантазий соединяется с будничным рациональным миром, становясь абсолютной реальностью, сюрреальностью». Я верю в сюрреальность, или сверх-реальность, реальность иного рода, но она должна иметь более масштабную основу, нежели встречи с самим собой. Нередко именно подсознание несет в себе рациональный элемент, а внешний мир – сон и иллюзорность.

– Правда ли, что вы больше не пишете? Когда бейсбольный игрок объявляет о конце карьеры, его обычно просят рассказать о самом остром моменте из его спортивного прошлого. Что было самым острым моментом для вас, как для писателя?

– Да, верно, я перестал писать, только вношу немного правки, когда старые, но неизданные книги становятся наконец востребованными. Верно, бейсболиста обычно просят вспомнить самый острый момент, но большинство спортсменов чувствует себя неловко из-за этого вопроса, если только они не выиграли седьмую игру Чемпионата мира ударом при возвращении на исходную позицию. Со мной ничего похожего не случилось. Я просто доволен всем тем, что я написал и как это восприняли читатели. Я не могу думать о каком-то своем сочинении или произошедшем событии как о чем-то величайшем. Это все равно, что попросить человека, который шестьдесят лет ест яйца на завтрак, рассказать о самом выдающемся яйце из тех, что он съел. Он может на минуту задуматься и сказать что-то вроде: «О, яйцо по-настоящему высшего качества я съел 9 июня 1932 года. А другое – 8 февраля 1947 года. И еще в 1951 году, 4 или 5 апреля, я съел два просто идеальных яйца. Но все же нет: это слишком самонадеянно – выбирать самое выдающееся яйцо из съеденных мной. Они все были такие вкусные!»

Перевел С. Гонтарев